

Он был таким как я...

Ливень шёл три дня. Славный такой, с молниями, громом и этим особым запахом. От грохота воды всем становилось спокойнее. Мы не слышали так отчётливо выстрелы с севера, и солдаты заворожённо слушали шум грозы и затихали, расслаблялись. Это было на руку всем нам, мы могли хоть немного отдохнуть.

К нам привели раненого. Прилизанного дождём, вымокшего до нитки, кровоточащего, но улыбающегося. Пулевое ранение в левый бок, рядовой случай. Ничего важного не задело. Повезло.

Он был таким как я. Подросток, астеничного телосложения, лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. С вечно растрепанными каштановыми волосами и манерой украшать речь жестами. Кажется, мы ровесники, но посмотреть на наши характеры – огонь и лёд. Причем не тот огонь, что обжигает, но который согревает, растапливает уныние и поддерживает настрой.

И рана в нём, конечно, была пустяковая. Но паренёк забавный, крайне забавный. Я вынимала пулю у него из бока, его даже толком не держали – он шутил, был горд собой. Оптимист, каких поискать на войне. Главврач его мельком увидел-услышал, чуть о ножку койки не навернулся. Молодая голова, горячая кровь, ярое желание умирать за Родину – каждый второй здесь такой. Многие в то время прониклись Зойкой и её подвигами, подражали ей. О здравомыслии наших солдат оставалось лишь молиться.

Новенький казался поначалу откровенно безумцем, но притягивал к себе внимание и всегда мог разрядить обстановку. Я не отвечала взаимностью, молчала, редко улыбалась – за платком всё равно не видно, но он ничуть от этого не унывал, пытался растормошить меня. Милый... Мужики в палате вполголоса запютят «Соловья», он во всё горло затаянет вместе с

ними. И дисциплину нарушает, и дух у мужиков поддерживает. Что ж с ним поделаешь.

Прошло время, паренька вернули на фронт. Многие без него заскучали. Признаться, и мне нечего о нём вспомнить плохого.

Через два месяца принесли офицера из его отряда. Медсестры, даже врачи всё допытывались – как он там, жив ли. Вечером главврач позовет меня к себе. Посадил в своём кабинете, спросил, не хочу ли пить. Я отказалась. Пересёкши комнату, медик налил себе кипятка, после чего так же плавно вернулся и сел за стол. Комнату наполнит тихий стеклянный звон. Не раздражающий, напротив, какой-то медитативный. И мужчина это, естественно, сам понимал. Сахара в его чашке быть не могло.

– Пятиться наш неугомонный не умел, – со вздохом выдаст он наконец. Я остаюсь холодна, лишь отводя взгляд. – Неделю назад подорвал себя и семерых фашистских солдат, – продолжит он, отхлюпнет теплой воды и поднимется из-за стола. Неизменно держа осанку, приблизится ко мне. Похлопает по плечу. Я достаточно долго ухаживала за пареньком, до полного выздоровления. Волей-неволей, а к пациентам привязываешься.

Тему больше не поднимали. Работа была продолжена. Всё станет привычным, лица сменятся, и медсанбат не оставит намёка о прошлых посетителях.

Снаружи пойдет дождь. Я люблю его. Он смывает железный запах. Мы давно привыкли к нему, и всё же. Дождь дарует надежду. Что всё это закончится, что после оглушающего шума повиснет тишина, и воздух, насыщенный влагой, позволит расцвести обожженным яблоням.

Литвиненко Полина

